V 12/1207

некрасов, п.

V/12/1207.

П. А. НЕКРАСОВЪ.

V 12/1207

Теоретико-познавательныя построенія въ славянофильскомъ духѣ.

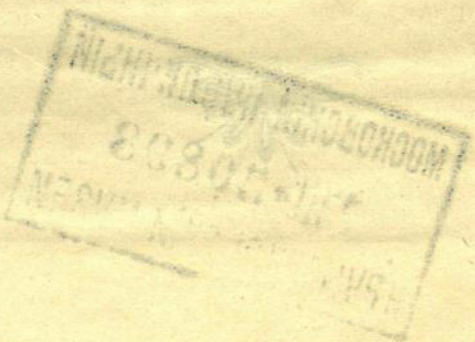
ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул. № 14-й.
1913.

V 12/1207.

П. А. НЕКРАСОВЪ.

Теоретико-познавательныя построенія въ славянофильскомъ духѣ.

ХАРЬКОВЪ.
Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул. № 14-й.
1913.



2007041292

Теоретико-познавательныя построенія въ славянофильскомъ духѣ.

По поводу книги барона М. Ф. Таубе: Познаніевѣдѣніе соборнаго восточнаго просвѣщенія по любомудрію славянофильства. Петроградъ. 1912. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Названная книга бар. М. Ф. Таубе представляетъ продолженіе другой его-же книги, изданной въ 1909 году подъ заглавіемъ: „Сводъ основныхъ законовъ мышленія“ [1]), и взявшей девизомъ утвержденіе; „Нѣтъ познанія безъ предпосылокъ теоріи познанія, координирующей матеріалы знанія въ систему; избрать хорошую теорію познанія значитъ намѣтить себѣ хорошій путь получать знанія“. Обѣ книги представляютъ большой самостоятельный вкладъ въ то духовно-просвѣтительное дѣло, которое заложили въ Россіи славянофильскіе мыслители, воспитанные въ духѣ Православной Вѣры, какъ основы восточнаго просвѣщенія, и усвоившіе также тонкости и глубины западнаго просвѣщенія, воспринятаго ими однако-же критически самобытно, а не съ рабскимъ заимствованіемъ.

Богатыри русскаго слова, Ломоносовъ и Пушкинъ, не успѣли расчистить въ Россіи поле для самостоятельной теоретической и практической мысли, оцѣнивающей самое слово по достоинству, различающей въ текущей дѣйствительности достойное слово образующей просвѣщающей исти-

[1]) Объ этой послѣдней книгѣ я высказался въ рецензіи подъ заглавіемъ: „Законы мысли, выстраиваемые на основахъ Тріединства“. (См. Миссіонерское Обозрѣніе“ 1909 № 6, стр. 841).

ны отъ мертвящаго слова пріукрашенной софистической лжи. Эту недодѣланную просвѣтительную работу, образующую мыслительныя способности народа, довершили славянофилы въ лицѣ Кирѣевскаго, А. С. Хомякова, Гиляровa-Платонова и другихъ.

Эта работа однако-же была совершена ими отчасти въ наброскахъ, въ первой редакціи, въ неотдѣланныхъ философскихъ костякахъ (схемахъ) органическаго цѣлостнаго построенія.

Такъ называемые западники, соперники славянофиловъ, находились въ болѣе выгодномъ положеніи относительно постройки теоріи познанія и завоеванія ею умовъ, ибо у нихъ для этого плѣна русской образованной мысли были готовыя теоретико-познавательныя построенія, хотя и чужія, взятыя напрокатъ, надѣваемыя на русское мышленіе съ нѣкоторымъ насиліемъ. Эти чужія схематическія построенія не удовлетворяли русскую образованность, какъ наслѣдницу восточнаго (греко-славянскаго), а не западнаго (романо-германскаго) просвѣщенія.

Къ услугамъ западниковъ были теоріи познанія: французская (Декартъ, Паскаль, Энциклопедисты), англійская (Ф. Бэконъ, Юмъ и пр.), нѣмецкая, (Кантъ, Фихте, Шеллингъ, Гегель и пр.). Ни одно изъ этихъ построеній не удовлетворяло и не можетъ удовлетворять образованнаго русскаго человѣка по многимъ причинамъ, такъ ярко изложеннымъ, напримѣръ, въ очеркѣ проф. В. Завитневича: „Мѣсто А. С. Хомякова въ исторіи русскаго народнаго самосознанія“ („Мирный Трудъ“, за 1904 г. № 4 Харьковъ). Провозглашая *свободу* личности, западная философія не хотѣла или не смогла ее примирить съ *единствомъ* многихъ, ибо она исходитъ исключительно изъ аристотелевскихъ раціоналистическихъ началъ, коими невозможно примирить свободу съ единствомъ многихъ. Между тѣмъ съ христіанской православной точки зрѣнія свобода личности и единство многихъ могутъ и должны быть примирены, какъ въ обыкновенной семьѣ, такъ и въ большой семьѣ, отечествѣ, руководимомъ нравственнымъ закономъ вѣры, взаимной любви и справедливости. Церковь, какъ общественный организмъ христіанской любви, и школа суть факторы этого примиренія на чисто нравственныхъ и просвѣтительныхъ внутреннихъ

основаніяхъ: государство-же съ монархомъ (базилевсомъ) во главѣ довершаетъ это-же самое дѣло матеріальными средствами на внѣшнихъ формально-юридическихъ началахъ.

Нельзя сказать, чтобы западъ не пытался въ теоріи и на практикѣ помирить свободу личности и единство многихъ; но дѣлавшіе эту попытку изгонялись изъ римскаго церковнаго единенія, впадали въ различные виды протестантскаго раціонализма и свободнаго теософскаго разномыслія и мистицизма, спускались до уровня оккультизма, чистаго языческаго раціонализма и бѣсовскаго поклоненія власти золотого тельца.

Книга бар. М. Ф. Таубе, отвергнувъ мистическое свободомысліе во имя личности и нравственной закономѣрности (стр. 54—55), даетъ подробно разработанное, обстоятельное теоретико-познавательное построеніе, удовлетворяющее основнымъ положеніямъ и стремленіямъ столповъ славянофильства (Кирѣевскаго, А. С. Хомякова, Гилярова-Платонова, Еп. Ѳеофана, затворника Вышенскаго, математика Н. В. Бугаева и другихъ). Оно охватываетъ весь составъ человѣка: его духовную личность, его душевныя движенія, его тѣлесную природу.

Три субстанціи: духъ, душу и тѣло [1]) авторъ полагаетъ въ основу своей теоріи познанія или (по его терминологіи) познаніевѣдѣнія (стр. 70—125). Духъ не подчиненъ закону необходимости (стр. 93), не совмѣстимъ съ веществомъ (стр. 110).

Душа есть посредникъ между духовнымъ и вещественнымъ (стр. 111). Такимъ образомъ авторъ различаетъ два рода взаимодѣйствія: 1) взаимодѣйствіе между душевнымъ и тѣлеснымъ (психофизика) и 2) взаимодѣйствіе между душевнымъ и духовнымъ (одухотвореніе души, просвѣтленіе ея увѣрованіемъ и дарами св. Духа, пневмопсихологическій процессъ).

Различныя мысленныя соотвѣтствія, выраженныя опредѣленными трехмѣрными и двухмѣрными укладами (кате-

[1]) Этотъ троякій человѣческій составъ, обсуждаемый славянофилами, указанъ въ посланіяхъ ап. Павла (1 Ѳессал., гл. V, 23 и 1 Коринѳ., глава II, 14—15). Евр. 4. 12 „проникаетъ до разд. души и духа“).

горіями сознанія), табличными и номографическими, т. е. поясненными наглядным чертежемъ и относящимися къ умственнымъ логическимъ построеніямъ и исчисленіямъ, представляютъ въ обстоятельной книгѣ М. Ф. Таубе предметъ тщательной и всесторонней разработки, согласованной съ ученіемъ славянофильства. Изъ множества подобныхъ укладовъ, координирующихъ сознаніе и его храмъ, внутренній распорядокъ, приведемъ одинъ, взятый со страницы 114 разбираемой книги.

Укладъ сторонъ природы человѣка.

Стороны природы	Изъ внѣ во внутрь	Во внутреннемъ средоточіи	Изъ внутри во внѣ
вещество	мѣсто	часъ	мѣра
душа	мысль	сознаніе	хотѣніе
духъ	вѣдѣніе	совѣсть	воля

Въ подобныхъ „укладахъ“ авторъ придаетъ большое значеніе идеѣ связи, соотвѣтствія, конформности, корреляціи, но часто употребляетъ свою терминологію, русскую, отчасти церковно-славянскую.

Славянофилы строили болѣе, чѣмъ теорію познанія, они планировали домострой отечества и дали соотвѣтственное „познаніевѣдѣніе“, обнимающее не только теорію „познанія“, но и практику „вѣдѣнія“ въ совокупной соотносительной полнотѣ и цѣльности; этимъ они отграничились отъ кантіанскаго дуализма, отдѣляющаго рѣзкою непересягаемою чертою теоретическій чистый разумъ отъ практическаго разума.

Соотвѣтственно сему, книга „Познаніевѣдѣніе по славянофильству“ бар. М. Ф. Таубе есть только малая часть обширной славянофильской „цѣльной соборной мудрости“, обхватывающей всѣ стороны жизни человѣка и его душевныя и духовныя проявленія. Обсуждаемая книга, одна изъ трехъ по познаніевѣдѣнію, пока даетъ лишь нѣкоторыя

предварительныя опредѣленія и установляетъ основныя положенія общей картины всего міровоззрѣнія, рисуя какъ-бы сжатый предварительный его обзоръ; она состоитъ изъ вступленія, шести главъ и заключенія. Во вступленіи выясняются задачи, цѣль и планъ, а также нѣкоторыя стороны техническаго выполненія всего задуманнаго авторомъ труда.

Двѣ первыя главы даютъ обстоятельныя опредѣленія двумъ жизненнымъ явленіямъ русскаго просвѣщенія: 1) славянофильству и 2) выработанному имъ философскому ученію подъ названіемъ „любомудрія“. Третья глава выясняетъ съ достаточною подробностью трехсоставность человѣческой природы. Эта часть работы опредѣлительная и подготовительная.

Безъ нея не было-бы основанія для возводимаго авторомъ сложнаго и обширнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ стройнаго зданія познаніевѣдѣнія.

Для опредѣленія славянофильства и его сути бар. М. Ф. Таубе обращается къ свидѣтельствамъ профессоровъ, ученыхъ и публицистовъ Славянскаго благотворительнаго общества[1]) (прежняго Славянскаго Комитета), основаннаго знаменитымъ публицистомъ И. С. Аксаковымъ. Въ семъ обществѣ сосредоточивались лучшія ученыя руководящія силы и герои славянскаго дѣла въ Европѣ и всего славянофильскаго движенія. Авторъ долженъ былъ обратиться именно къ дѣятелямъ Славянскаго общества, ибо оно единственное, которое сохранило преимущественную связь между старыми московскими славянофилами и представителями современныхъ новыхъ теченій. Опредѣленія славянофильства мыслителями и дѣятелями Славянскаго общества есть въ сущности живое самоопредѣленіе. Бар. М. Ф. Таубе понимаетъ „любомудріе“ какъ значительно повышенное обобщительное познаніе сравнительно съ задачами философіи въ европейскомъ смыслѣ, ибо „любомудріе“ требуетъ не только философски-обобщающаго мыслящаго труда, но еще и личнаго переживанія и выраженія вѣроисповѣднаго свойства; оно не только простое научное обобщеніе, но истинное, по терминологіи Хомякова, „живознаніе“ и „мыслящая вѣра“ или „вѣрующее мышленіе“. Все жизнепони-

[1]) Генер. Кирѣева. Ав. Васильева и псевдонима Ин., нынѣ проф. университета.

маніе, какъ въ общемъ складѣ, такъ и въ мельчайшихъ подробностяхъ, построено одинаково по образцу трехсоставной полноты природы человѣка и трехсоставной цѣльности его *души*, а потому автору естественно понадобилось обстоятельно изложить стороны жизни человѣка, согласно православному (христіанскому) воззрѣнію, изображенному подробно въ трудахъ Преосвященнаго Епископа Θеофана и древнихъ отцовъ Церкви изъ святоотческаго сборника филокаліи (добротолюбія). Только эту необходимую подготовку авторъ излагаетъ въ трехъ послѣдующихъ главахъ, къ сожалѣнію, слишкомъ сжато и кратко, мѣстами даже намеками программнаго свойства выражая трехстороннее проявленіе познаванія: 1) психологическое душевное (гл. IV), 2) онтологическое сутевое (гл. V) и 3) символическое, образное выраженіе словомъ, числомъ и чертежнымъ обликомъ (гл. VI), и подраздѣляя каждое проявленіе съ трехъ точекъ зрѣнія: 2) зрѣнія внѣшняго, снаружи, 2) зрѣнія изъ сосредоточенной средины и 3) зрѣнія извнутри внѣшняго. Довольно большое количество сводныхъ наглядныхъ таблицъ, изъ числа которыхъ одна воспроизведена выше, освѣщаетъ всесторонне тонкости весьма сложныхъ построеній. Эти схематическіе табличные обзоры помогаютъ и облегчаютъ наглядным способомъ усвоить богатое содержаніе обобщеній, сжатыхъ до чрезвычайности. Всѣ-же формально-логическія и величинныя выраженія даны математическими символами, главнымъ образомъ, на основаніи ученія о вѣроятностяхъ, какъ достовѣрностяхъ безусловныхъ и обусловленныхъ жизненными обстоятельствами и правилами.

Руководствомъ въ этой отрасли математики служили автору, какъ обнаруживаютъ многочисленныя ссылки, главнымъ образомъ, мои труды: „Теорія вѣроятностей“ (съ этимъ трудомъ авторъ былъ знакомъ по корректурнымъ листамъ) и „Вѣра, знаніе и опытъ“.

Бар. М. Ф. Таубе изъясняетъ въ концѣ философскій смыслъ числовой обосновности всего своего міровоззрѣнія, а именно *„единства трехъ“*, какъ простѣйшаго выраженія *„единства множества“*, нравственнаго начала *„единенія духа въ союзѣ мира“*. Эта первооснова или основоположеніе всего познаніевѣдѣнія вырисовывается авторомъ символически, какъ мы указали выше, трехсоставно въ видѣ пересѣченія

трехъ координатныхъ осей и шаровой сферы ихъ распространенія, что и изображено на самой обложкѣ книги. Тоже трехсоотвѣсное изображеніе служитъ для наглядной обрисовки или построенія каждаго отдѣльнаго философскаго комплекса, и тѣмъ устанавливается единообразіе способа построенія всего міропознанія и всякой отдѣльной его части, до мельчайшей ея дробности, наглядно постулируя этимъ изображеніемъ извѣстное положеніе „все во всемъ“.

Отсылаемъ читателей къ самой книгѣ. Отмѣтимъ здѣсь, что теоретико-познавательныя построенія бар. М. Ф. Таубе отличаются просторомъ для приложенія ихъ, какъ къ вопросамъ психо-физическаго опыта, въ которомъ искусились естествовѣды (физіологи) и въ которомъ много сдѣлала западная антропологическая и біологическая наука, такъ и къ вопросамъ духовно-душевнаго опыта, которымъ можетъ хвалиться восточное (греко-славянское) просвѣщеніе. Объ этихъ двухъ видахъ мышленія въ писаніи сказано: „живущіе по плоти о плотскомъ помышляютъ, а живущіе по духу—о духовномъ“, (Римл., гл. VIII, 5) и далѣе прибавлено: „помышленія плотскія суть смерть, а помышленія духовныя суть жизнь и миръ“.

Разъясненія автора, приведенныя на стр. 98—100 и вышеуказанный „укладъ сторонъ природы человѣка“ отводятъ силамъ души (уму, волѣ, представленіямъ) „серединную область жизни“, посредствующую между духовнымъ и вещественнымъ, матеріальнымъ. Духовное и матеріальное являются различными цѣнностями души,—существенно разнородными реальностями (стр. 204). Духовность опредѣляется отрицаніемъ вещественности въ духовномъ, и наоборотъ. Это двойное отрицаніе (прямое и обратное) даетъ относительное другъ другу опредѣленіе вещественнаго и духовнаго въ формѣ девяти положеній, изъ коихъ шесть приводимъ для примѣра со стр. 109 книги подлинными словами автора:

„1) Вещество *пространственно*. Духъ безпространственъ, т. е. внѣ мѣста, онъ повсюденъ, безмѣстенъ и неограниченъ, безвиденъ, безъ облика и образа. Такъ что установляется *повсюдность*, какъ свойство духа.

2) Вещество измѣняется *во времени*. Духъ внѣ времени и безъ времени, онъ *вѣченъ*.

3) Вещество *мѣрно* и численно. Духъ безмѣренъ, внѣчисла. Онъ *единъ* самъ по себѣ, служа мѣрою всему и устанавливая ее.

4) Вещество *опредѣленно*, т. е. заключено въ опредѣленныхъ границахъ. Духъ не опредѣленъ никакими границами, т. е. неограниченъ и свободенъ отъ опредѣленности и ограниченности, *безпредѣленъ*.

5) Вещество *непрерывно* по заполненію; гдѣ нѣтъ вещи или предмета на землѣ, тамъ воздухъ. Духъ—самобытность прерывная, обособленная не въ значеніи пространства, а въ значеніи творческаго начала. Онъ свободнотворящъ, т. е. *прерывенъ* въ дѣйствіяхъ своихъ...

7) Вещество *подчинено* законодѣйствію. Духъ—самостоятеленъ, личенъ по дѣйствію, *самочиненъ* и самобытенъ...

Насколько все вещественное лишено нравственной оцѣнки, настолько духовное лишено всякой механической необходимости. Духъ установляетъ себѣ законъ внутренній, веществу приходится подчиняться необходимо закону внѣшнему.

Свобода отъ необходимости—вотъ суть духовнаго.

Необходимость безъ свободы—вотъ суть вещественнаго".

Матеріальное, вещественное, тѣлесное въ познавательной теоріи бар. М. Ф. Таубе не теряетъ своей земской цѣнности, какъ собственность, принадлежность субъектовъ права, какъ хлѣбъ насущный, условіе трудоспособности, и какъ смѣнная текущая волна.

Само тѣло человѣка есть лишь смѣнная „волна" матеріи, сама себѣ не абсолютно тождественная, частицы которой ежеминутно смѣняются по ходу питанія, дыханія и разныхъ выдѣленій. Смѣняются и люди по причинѣ смертнаго тиража, по законамъ біологіи.

Незыблемо сохраняются истины вѣры и уклады (категоріи) всенароднаго и частнаго субъективнаго сознанія, связаннаго съ духовнымъ необходимымъ Существомъ (Божествомъ) и съ обыкновенными объективными укладами (категоріями) причины, времени и пространства, гдѣ „все течетъ" въ смѣнѣ міровыхъ явленій, возникающихъ, существующихъ и упраздняющихся.

Понятно, что авторъ „Познаніевѣдѣнія" не могъ удовлетвориться лишь аристотелевской логикой; ему для раз-

смотрѣнія двухсторонних связей (взаимодѣйствій) душевнаго съ субстанціями: духовною и матеріальною, потребовалась не только аристотелевская логика, но и надъ-аристотелевская логика (металогика), которую онъ выстроилъ ранѣе въ своемъ „Сводѣ основныхъ законовъ мышленія". Свою объемную (трехмѣрную) логику авторъ теперь сближаетъ (см. стр. 157) съ логикой здраваго смысла, представляемаго математикой, опредѣляющей при посредствѣ теоріи вѣроятностей такъ называемую (по Канту) „свободную причинность" въ отличіе отъ физической необходимости. Въ этомъ истолкованіи законовъ мышленія, независимыхъ отъ необходимости, но зависимыхъ отъ нравственнаго и гражданскаго долженствованія, авторъ цитируетъ мои книги: „Теорія вѣроятностей" и „Вѣра, знаніе и опытъ", какъ опредѣляющіе съ точностью отношеніе понятій, „необходимости„ и „свободной причинной связи" (см. „Познаніевѣдѣніе" стр. 200—201).

Съ установленіемъ въ законахъ логики и въ самой исторіи не только аристотелевскихъ законовъ тождества А = А и исключеннаго третьяго (средняго), но и не аристотелевскихъ законовъ надлежаще санкціонированной доброкачественной аналогіи А (=) А, допускающей относительно смѣнныхъ явленій вѣроятность и закономѣрность, „свободную причинность", т. е. включеніе средняго (посредствующаго) и „замѣщеніе подобнаго подобнымъ" [1]), авторъ долженъ былъ разсматривать въ своей теоріи познанія не только подобіе внѣшняго вида вещей (какъ двѣ одинаковыхъ монеты, два одинаковыхъ солдата), но и подобіе видимой и

[1]) Логическій оборотъ, соотвѣтствующій различному (спорному) толкованію такъ называемаго закона тождества А=А, можно наглядно изъяснить съ помощью обиходныхъ кредитныхъ оборотовъ вещей въ „чужихъ" предпріятіяхъ. Если вещи А кредитуются въ чужія предпріятія „напрокатъ", то сужденія о вещахъ въ точности подчиняются Аристотелевскому закону тождества А=А. Если же вещи А кредитуются для издержки, продовольствія, то вступаетъ въ силу законъ подобія А (=) А, причемъ въ процессѣ взаимоотношенія между кредиторами и заемщиками вещи должны возвращаться кредиторамъ не тѣ же самыя, а только *подобныя* имъ, „такія-же". Правило „замѣщенія подобныхъ" установлено Джевонсомъ въ книгѣ „Основы науки". (См. переводъ проф. Антоновича. СПБ. 1881 г. Также смотри мою книгу „Теорія вѣроятностей" стр. 20).

невидимой внутренней силы, содержащейся въ тѣхъ или другихъ видимыхъ вещахъ (стр. 89). Таковы, идя по ступенямъ отъ низшихъ родовъ скрытой силы къ высшимъ родамъ, слѣдующія силы: 1) силы физическаго процесса и біологизма (стр. 90—98), 2) покупная сила матеріальныхъ благъ, труда, денегъ (стран. 194) и векселей и сопутствующая сила гражданскаго правомѣрія, уполномоченнаго ставить судебныя рѣшенія, искупающія грѣхъ судебными возмѣщеніями съ виновной стороны, 3) творческая сила безплотной духовности: страхъ Божій, совѣсть, жажда Бога (105—106).

Трактуя взаимоотношеніе силъ въ области духа, авторъ говоритъ о столкновеніи истины и лжи въ исторической смѣнѣ явленій. Въ этомъ столкновеніи теорія познанія бар. М. Ф. Таубе, кромѣ непримиримой лжи, распознаетъ „множество грѣховъ, какъ искупимыхъ погрѣшностей, гдѣ бываетъ умѣстно вводить гражданское право съ политическимъ устройствомъ и съ рѣшеніемъ общественныхъ и хозяйственныхъ вопросовъ соціально-экономическаго свойства (стр. 192).

Въ металогикѣ бар. М. Ф. Таубе и въ соотвѣтствующихъ положеніяхъ исчисленія вѣроятностей законы логики дополняются разными нормативными условіями, ибо сама вѣроятность есть условная достовѣрность, когда условія осуществляются. Въ опытѣ правомѣрія при этомъ домогаются приблизительнаго уравниванія вѣроятностей и статистическихъ частностей, допуская неопознанныя погрѣшности столь несовершенной мѣры, какъ слово, бумажное обязательство, спросъ и предложеніе, биржевая котировка и пр. Тутъ, въ этой приблизительности и неопознанности, начинается классическая Сцилла и Харибда формальнаго права, классическая возможность вольно и невольно солгать, согрѣшить формальнымъ правомъ противъ истинной правды.

Для исправленія этихъ безчисленныхъ погрѣшностей и болѣе значительныхъ поврежденій истины, а съ другой стороны и для усиленія положительнаго творчества во благо отечественной цѣлости, славянофильство выдвигаетъ живое соборное начало восточнаго просвѣщенія въ разныхъ его типахъ и названіяхъ. Соборность всѣхъ видовъ (церковная, земско-общественная и гражданско-государственная) есть

любовь, а не борьба оппозицій. Тутъ, въ соборности, складывается не условное и отвлеченное познаніе, а наиболѣе яркое познаніе „лицомъ къ лицу“, и многое тайное тутъ дѣлается явнымъ. А въ освященномъ соборѣ людей озаряетъ св. Духъ. Разъясненію познавательнаго смысла соборности посвящено много страницъ разбираемой книги (стр. 186—188, 196, 203, 208—213, 225).

Соотвѣтствующіе уклады, объединяя въ цѣльный единый строй всѣ типы соборности, способны опредѣлить типъ единаго отечества и по частямъ разнять, излучить, разграничить задачи и стремленія каждаго вида этой познавательной, творческой, душеспасительной и искупительной собирательной дѣятельности.

Различныя излученія или виды соборности представляютъ собою въ своихъ функціяхъ какъ бы отрѣзанные независимые ломти, плоскости; однако-же они, какъ виды одного рода, какъ „сучья“ единаго корня, всегда соединяются, по теоріи бар. М. Ф. Таубе, въ нормальномъ сознаніи въ одинъ объемный *атомъ*, въ одинъ цѣльный координированный строй,—соединяются въ положеніяхъ вертикальныхъ другъ относительно друга, а не въ положеніяхъ діаметрально противоположныхъ (какъ Богъ и Веліаръ). Поэтому, въ помянутомъ нормальномъ сознаніи, напримѣръ, Церковь и Государство находятся не въ противорѣчіи, а въ неразрывномъ соотвѣсномъ соединеніи, а также, независимо отъ сего, неразрывно обсоюзены Государство и народная Земщина.

Между изучающимися видами родового понятія соборности въ текущей дѣйствительности устанавливаются связи преемственно и посредствомъ *личныхъ* дарованій, кои авторъ цѣнитъ, какъ посредствующую „соль“, какъ „капиталъ“ Божественнаго Промысла. Авторъ говоритъ (стр. 196): „Какъ въ хозяйствѣ и промышленности играетъ роль запасъ золотой казны, такъ и въ соборностяхъ запасъ талантовъ. Цѣнятся личныя дарованія (искры Божіи) въ людяхъ, какъ цѣляхъ Божественнаго Промысла на землѣ. Мысленная соборность, *умозрительный* законъ большихъ чиселъ теорій вѣроятностей (тутъ разумѣется храмъ умственнаго созерцанія, наполненный множествомъ мысленныхъ предметовъ и трактуемый философами) воздѣйствуетъ на соборность, какъ матеріально дѣйствительное политическое корпоративное

учрежденіе"... Тутъ играютъ роль условія этого воздѣйствія, а для матеріальнаго воплощенія понятія единства многихъ важна матеріально-воплощенная, въ лицѣ Государя, монархическая идея, связывающая въ данномъ атомѣ ВСЕ.

Изъ разныхъ теоретико-познавательныхъ построеній, переработанныхъ авторомъ въ славянофильскія формы, къ нашему автору ближе всего подходитъ теорія познанія такъ называемаго параллелистическаго историческаго міросозерцанія, основаннаго Декартомъ (см. его „Метафизическія размышленія"), продолженная Паскалемъ, потомъ Лейбницемъ и еще разъ перестроенная славянофилами въ духѣ Православной Вѣры и восточно-европейскаго просвѣщенія. Параллелизмъ въ противность такъ называемому пантеизму и психофизическому монизму, отождествляющему духовное и матеріальное, какъ двѣ стороны только одной субстанціи, отдѣляетъ рѣзкою чертою духовное отъ матеріальнаго (см. проф. Г. Челпанова: Мозгъ и душа); это раздѣленіе субстанцій вполнѣ согласно съ христіанскимъ утвержденіемъ, что „рожденное отъ плоти есть плоть, а рожденное отъ Духа есть духъ" (Іоаннъ, гл. III, 6). Западная философія, однако, не умѣла найти прагматическаго посредника между духовнымъ и матеріальнымъ; этого посредника бар. М. Ф. Таубе опредѣлилъ, какъ душу, устранивъ тѣмъ самымъ, какъ окказіонализмъ картезіанцевъ и пантеизмъ спинозистовъ, такъ и предустановленную гармонію Лейбница; на мѣсто предустановленной гармоніи становится живая вѣра просвѣщенной человѣческой души, представляющая духовную атмосферу, которою дышатъ людскія души подобно тому, какъ ихъ бронхи и легкія дышатъ физическою атмосферою.

Надъ этою духовною атмосферою мыслятся созвѣздія народныхъ героевъ, священныхъ лицъ, праведниковъ и Солнце Правды, Свѣтъ истины (стр. 210), закрываемый только тучами погрѣшностей, дурныхъ, злыхъ дѣлъ, давящими человѣка своимъ мракомъ, гнетомъ помраченной совѣсти, и портящими попутно соотношенія въ области вещественнаго права и матеріальнаго достатка людей. Культъ блестящихъ созвѣздій нуженъ автору для аристократизаціи народа, для духовнаго преобразованія „черносотенства" въ „бѣлосотенство" (стр. 5).

Авторъ придаетъ большое значеніе идеѣ устойчивости соотношеній и затѣмъ идеѣ творчества, рядоваго—народнаго и выдающагося—исключительнаго. Творчество усиливается въ условіяхъ одинаково настроенныхъ внутреннихъ струнъ сознанія и взаимнаго познанія, когда развиваются понятія единства, сродства, согласія, сложенія личныхъ силъ и жизненныхъ интересовъ. Дифференціація индивидуальныхъ талантовъ изощряется въ практикѣ творчества, а взаимность настроенія развиваетъ сложеніе, интеграціи, синтезъ силъ.

Выражая горячее сочувствіе теоретико-познавательному построенію бар. М. Ф. Таубе, мы желаемъ его книгѣ широкаго распространенія среди образованныхъ лицъ и желаемъ успѣха тѣмъ продолженіямъ этой книги, кои авторъ себѣ намѣтилъ въ заключительной главѣ.

2007041292